

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
о докладах и полевых исследованиях
института истории материальной
культуры

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1940 ЛЕНИНГРАД

В 1939 г. экспедиция закончила нанесение на карту поселений городского типа по Чу. Зарегистрированы каменные бабы в районе Малого Кемина; в долине Большого Кемина (около с. Новороссийска и на правом берегу р. Чон-Кемина, около ущелья Тар-су) открыты два городища с весьма слабым культурным слоем. Городища, особенно правобережное, прекрасно укреплены валом с башнями (длина сторон вала до 1 км). Положение городищ и характерный культурный слой дают основание предполагать, что это городища древнего Суяба, который, по показаниям исторических источников, состоял из двух частей: Сагура и Кубала. Находящийся между Беласагуном и Суябом город Невакет отождествлен с развалинами в с. Орловка, Чуйского района.

В ущелье Чон-Кемин обнаружен могильник тюркского времени (VI—VIII вв.). Около курганов и могил сохранились ряды балбалов. Особый интерес представляют изваяния, имеющие явно не тюркский тип — европеоидное лицо с большой окладистой бородой.

Таким образом работы 1939 г. завершили общее археологическое описание Чуйской долины, заложили основы стационарным работам на городищах Красной Речки (г. Сарыг) и Ак-Пешина (г. Беласагун), а также подготовили почву для исследования весьма интересного для Средней Азии тюркского могильника VI—VIII вв.

Работы в Киргизии выявили наиболее ранний для Семиречья тип поселений, соответствующий эпохе рабовладельческого строя, когда еще не было городов, а согдийские колонии представляли собой совокупность отдельных укрепленных „вилл“. Этот тип поселения, смененный затем городом с арком, шахристаном и рабадом, наглядно выявлен раскопками городища Красная Речка. Классический тип средневекового города представлен городищем Ак-Пешин, отождествляемым нами вслед за В. В. Бартольдом со столицей караканидов, а затем киданей в XI—XII вв. н. э.

А. Н. Бернштам

ЗАРАФШАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1939 г.

Весной 1939 г. ИИМК и Государственный Эрмитаж провели в Узбекистане, в долине р. Зарафшан, совместную археологическую экспедицию. В составе ее работали две партии — одна в Пейкенде, развалины которого находятся в Бухарской области в 9—10 км от ст. Якатут Ашхабадской ж. д., в песчаной пустыне, другая — в Тали-барзу в 6 км на юг от Самарканда.

Пейкенд в настоящее время представляет значительное городище, в огромной части засыпанное песком. Оно находится в 3.5 км от колхоза Янги Маданият, на небольшой каменной возвышенности (kyр), окруженной песчаной степью.

Пейкенд в 1913—1914 гг. был уже обследован Л. А. Зиминым, который в 1913 г. дал первое, однако неполное и не совсем ясное описание городища,¹ а в 1914 г. провел довольно большие раскопки со вскрытием верхних слоев, относящихся к караканидскому (XI в.) и саманидскому (X в.) времени.

В задачу пейкендской партии нашей экспедиции 1939 г. входило: 1) вновь провести археологическую разведку с тем, чтобы подготовить в Пейкенде большие раскопочные работы, поскольку городище это представляет исключительный интерес для истории дофеодального и ранне-

¹ Л. А. Зимин. Развалины Пейкенда. Прот. Туркест. кружка любит. археол., вып. 19, отд. отт., Ташкент, 1915.

феодального города, существовавшего с глубокой древности вплоть до XII в.¹ В настоящее время основная часть города, лежащая на кыре и окруженная в древности крепкими стенами, от которых сохранились в некоторых местах развалины, представляет собой площадь в 20 гектаров. В целом — это шахристан Пейкенда, т. е. его древняя и центральная часть. В северо-восточной части шахристана сохранились остатки кухендиза (цитадели). Кухендиз вытянут с ЮЗ на СВ и равен по площади 1 гектару. Длина остатков стены шахристана равна 2 км, а не 678 саженям, как это дано у Л. А. Эзимина.² Как и кухендиз, шахристан вытянут с ЮЗ на СВ.

Шахристан внутренней стеной разделен на две „половины“, более древнюю, восточную — шахристан I и более позднюю, западную — шахристан II. В восточной „половине“ стен почти не сохранилось, однако, в западной „половине“ они хорошо видны и местами весьма выразительны.

В шахристане II сохранились не только остатки стен, но и остатки десяти башен. Как стены, так и башни заключают в себе следы значительных перестроек. Выложенные первоначально из сырцового кирпича башни впоследствии были покрыты толстым слоем глинобитных блоков, отчего они значительно увеличились в своих размерах. В шахристане видны следы ворот по северной, южной и западной сторонам. Особенно четко видны следы в точках, где внутренняя стена, разделяющая город на две „половины“, соединяется с северной и южной стенами. Характерно, что только план и топография городища помогают понять несколько странное сообщение ал-Мадаини,³ что арабский полководец Убейдуллах ибн-Зияд в 674 г. смог взять лишь половину Пейкенда. Теперь ясно, что этой „половиной“ была западная часть, отделенная от восточной внутренней стеной. Самый факт упоминания „половин“ города говорит о существовании шахристана II еще в доисламское время.

В. А. Шишкиным выполнен план и ближайших окрестностей городища. Эта работа со всей очевидностью показала, что с трех сторон шахристана — западной, южной и восточной — находятся остатки культурной жизни и строений, которые теснейшим образом были связаны с жизнью центрального городища.

По всей вероятности территория рабада сложилась в месте, где находились упоминаемые ал-Макдиси и Нершаки, наиболее близкие к шахристану работы, причем первый говорит о 1000⁴ пейкенских работах, а второй только о большом их количестве. По словам Нершаки в работах этих собирались зимой люди из соседних селений для войны с неверными, т. е. кочевниками-турками. Постоянным жителям этих работ каждое селение отправляло нужное им содержание. Работы, стоявшие ближе всего к шахристану, как показал анализ топографических остатков, играли в мирное время роль караван-сараев, а в военное могли быть обращены в опорные пункты, где сходились ополчения из селений для борьбы с кочевниками.

Поверхность Пейкенского городища буквально забита черепками, среди которых явно преобладают неполивные. Характерная черта череп-

¹ Как крепость он существовал и в XV в., см. ниже.

² План, сделанный Л. А. Эзиминым, выполнен, повидимому, по памяти и весьма мало отражает действительное состояние городища, отчего не имеет научного значения и ссылаться на него нельзя. Участниками экспедиции 1939 г. В. А. Шишкиным и М. М. Дьяконовым была сделана тщательная глазомерная съемка городища, в результате которой мы имеем в настоящее время хороший план, помогающий разобраться в основных вопросах исторической топографии Пейкенда.

³ Находится у Табари (изд. de Goeje, II, 169).

⁴ BGA, III, 281 — Нершаки, изд. Schefer'a, 16. Цифра во много раз преувеличена.

⁴ Краткие сообщения, вып. IV

ков — наличие в их орнаментике пережитков сасанидского стиля. Черепки, находимые на поверхности, в основном относятся к VIII—X вв., хотя встречаются, правда редко, экземпляры более раннего, а также более позднего тимуровского и тимуридского времени (XIV—XV вв.). Повидимому, в Пейкенде широкой популярностью пользовалась орнаментированная в технике штампа и резьбы неполивная посуда.

На поверхности находится особенно много хорошо орнаментированных круглых крышек от низких цилиндрических сосудов. Наличность пережитков сасанидского стиля характерна также и для поливных пейкендских черепков VIII—IX вв., а быть может даже X в. Исключение составляет керамика, которая очень близка к „афрасиабскому“ типу.

В Пейкенде были заложены два шурфа и проведена расчистка гончарной мастерской.

Шурф № 1 был заложен на площади размером 4×4 м в шахристане I, на восток от раскопа 1914 г. На глубине 3,5 м раскоп пришлось прекратить, так как рабочие натолкнулись на материковую скалу. Культурные остатки из шурфа, если не считать бросовой керамики, которой была утрамбована поверхность раскопанной площадки, среди других предметов дают на глубине 1,7 м медную монету сасанидского круга с изображением головы,¹ т. е. материал, относящийся к сасанидскому времени, к сожалению более точно не определимый, так как на монете в сохранившемся виде нет имени, а самый тип монет в науке еще не выяснен ни в смысле места, ни точной даты.

Второй шурф заложен был в цитадели (кухендизе). Культурный слой здесь мощный и нужно пройти ряд сложных и запутанных строительных комплексов, чтобы достичь материала. Характерно, что в верхнем слое было найдено некоторое количество тимуридских черепков (XV в.); это заставляет предположить, что в XV в. на развалинах Пейкенда была устроена крепость. Шурф в кухендизе, вследствие недостатка времени, до материала довести не удалось. Богатый материал раскопок относится, главным образом, к технике строительного дела и послужит предметом специального описания.

Весьма интересной оказалась расчистка гончарной печи, следы которой были обнаружены по южной стене шахристана I. Керамика, найденная в верхнем слое, должна быть отнесена к X в., поскольку здесь же были обнаружены две сасанидские монеты, одна Насра II (914—943), чеканенная в Бухаре, другая Абд-ал-Мелика 347 г. х. = 958/59 г. н. э. Среди находок имелись предметы с ярко выраженным пережиточными чертами сасанидского стиля, относящиеся, повидимому, к VIII—IX вв. и попавшие наверх случайно. Так же, как и в шурфе № 1, расчистка гончарной печи дала несколько фигурных изображений животных. Для изучения техники гончарного производства в Пейкенде X в. расчистка печи дала весьма интересный материал. Под слоем „гончарной печи“ М. М. Дьяконовым был обнаружен жилой комплекс в виде небольшого двора с тондыром (печь для выпечки лепешек), корытцем, сложенным из жженого кирпича, и другими остатками. Комплекс, повидимому, относится, судя по монете ас-Саффаха, чеканенной в Куфе в 133 г. х. = 750,51 г. н. э. и найденной на глубине 75 см, чуть ниже горизонта „жилого комплекса“, ко второй половине VIII в. Выше отмечалось, что особенностью пейкендской керамики VIII—IX вв. является наличие в ее орнаментике и фигурных изображениях животных пережитков сасанидского стиля. Посуда с прекрасной темнозеленой поливой, покрывающей орнамент, выполненный штампом или резьбой, в этом отношении

¹ Этот тип монет, повидимому, согдийского происхождения и старше известных уже в науке согдийских монет китайского образца с квадратным отверстием посередине.

особенно характерна. Керамика этого типа (пережитки сасанидского стиля) не изучена, а между тем ее наиболее ранние экземпляры дадут возможность изучить виды керамики, существовавшей между домусульманским временем (VII в.) и временем Саманидов (X в.). Несколько особняком стоит вопрос о керамике „афрасиабского типа“ X в., которой на городище встречается мало.

В Пейкенде на поверхности и отчасти в раскопках найдено около 140 цельных медных монет и несколько серебряных. Найденные на поверхности, только что очищенные, но еще не до конца определенные монеты делятся А. А. Быковым на следующие группы: 1) кушанские медные монеты I и II вв. н. э.; 2) монеты, повидимому, согдийские, сасанидского круга с изображением жертвеника с одной стороны и головы с другой — с характерной для них вдавленной поверхностью; 3) монеты согдийские, поздние, по форме китайские (в середине монеты четырехугольное отверстие), одна из них с именем Тархуна; 4) монеты саманидские (X в.), медные, количественно самая большая группа; 5) монеты илек-ханов, их очень немного; 6) тимуридские монеты, несколько штук; 7) монеты бухарские XIX в., случайные, несколько штук.

Статистически монеты как бы подчеркивают наибольший расцвет города при Саманидах и упадок при Караканидах (илек-ханах).

Наличие кушанских монет I—II вв. говорит о существовании Пейкенда как торгового центра уже в это время.

Вторая партия (руководитель зам. начальника экспедиции Г. В. Григорьев), как указано было выше, работала на городище Тали-барзу, в 6 км южнее Самарканда, в самом сердце древнего Согда, в районе, о котором арабские географы писали, как о месте, где сосредоточены были наиболее богатые и влиятельные владения и укрепленные замки декханской аристократии. К этому району и относится богатое Маймургское владение с городом Ривдадом, владетель которого в V и VI вв. был соперником самаркандского ихшида (царя). В Тали-барзу археологические работы производились в 1936, 1937 и 1938 гг. под руководством Г. В. Григорьева на средства Самаркандского музея и продолжены в 1939 г. Тали-барзу представляет собой городище типа каре, равнине по площади в настоящее время 5 гектарам. В древности площадь укрепленного поселения была значительно больше. Центральный холм городища возвышается над окружающей местностью на 18 м. Само городище представляет сложный комплекс построек, относящихся к разному времени. В течение трехлетних работ Г. В. Григорьевым установлено было шесть культурных слоев на Тали-барзу:

- I слой — первая половина первого тысячелетия до н. э.,
- II слой — V—IV вв. до н. э. („акеменидский период“),
- III слой — III—II вв. до н. э. („эллинистический период“),
- IV слой — I в. до н. э. — II в. н. э. („кушанский период“),
- V слой — V—VII вв. н. э. („позднесасанидский период“),
- VI слой — конец VII и начало VIII в. н. э.

В 1939 г. было заложено пять раскопов и проведена расчистка оснований башен, давших большой и интересный материал.

В основном подтвердилась правильность установления вышеуказанных слоев. Во всех случаях в том же порядке встречались характерные для каждого культурного слоя памятники материальной культуры и искусства. Среди выдающихся предметов в раскопе № 26 (руководитель А. Я. Борисов) найден фрагмент хума с изображением Гопат-шаха — быка с лицом человека — памятник, вызвавший к себе большое внимание и ставший немедленно предметом специальной статьи К. В. Тревер на тему: „Гопат-шах — пастух-царь“.

В раскопе № 2 г (руководитель А. М. Беленицкий) обнаружены прекрасные головки эллинистического типа на подручках сосудов. Вообще же в Тали-барзу в вышеуказанных раскопках весьма интересны глиняные сасанидские сосуды с вдавленными гранатами, большие фрагменты этих сосудов, согдийские монеты VII—VIII вв. и другие предметы.

Особое место занимают 29 серебряных кушанских монет без надписей, с изображением головы на одной стороне и стрелка из лука на другой. Монеты все одного выпуска и найдены были на Тали-барзу одним из местных колхозников.

Заложен был раскоп и на городище Кафыр-кала, лежащем в 5 км на юг от Тали-барзу в квартале гончаров, на восточном берегу Илян-сая. Здесь сразу же был обнаружен сасанидский материал. Среди находок мы имеем сосуды или фрагменты сосудов с отпечатками гранатов и следами слюды на поверхности, терракотовые человеческие фигурки, фигурки животных, рельефное изображение человеческой головы на глиняной пластинке и другие предметы, из которых многие носят следы ярко выраженного сасанидского стиля.

А. Ю. Якубовский

ЭКСПЕДИЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАДЗОРА НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ БОЛЬШОГО ФЕРГАНСКОГО КАНАЛА им. И. В. СТАЛИНА

Во второй половине 1939 г. в Узбекистане осуществлялось сооружение Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина (БФК). Создание этого ирригационного гиганта, имеющего протяжение до 270 км при 18 000 000 м³ земляных выемок, не могло не сопровождаться обнаружением большого числа памятников материальной культуры прошлого в издревле населенной полосе южной части долины Ферганы. В связи с этим Комитет наук при СНК УзССР учредил сверхплановую экспедицию археологического надзора для участия в этом строительстве. Одновременное проведение канала по всей трассе, огромное протяжение последней, необходимость приспособления археологического надзора к скоростным темпам производства земляных работ без ущерба для них поставили перед узбекистанскими археологическими организациями задачу по разработке новых приемов полевых археологических исследований в специфической обстановке.

Экспедиция археологического надзора работала в составе трех археологических отрядов (состоявших каждый из одного археолога и семи наблюдателей-коллекторов), одной архитектурной группы, двух топографов, двух фотографов и двух технических работников. Все тридцать три участника экспедиции находились в постоянном движении вдоль трассы. Помощь со стороны строителей-колхозников, среди которых велось соответствующее разъяснение задач археологического надзора, дала возможность собрать большой и разнообразный вещевой материал и зафиксировать сотни наблюдений, благодаря чему удалось использовать строительство БФК как гигантский археологический разрез почти через всю Ферганскую долину.

Второй этап деятельности экспедиции вслед за окончанием земляных работ заключался в археологической рекогносцировке прилежащих к трассе районов. В результате Фергана оказалась покрытой сеткой маршрутов и археологический надзор превратился в разведочную экспедицию, широко охватившую самые разнообразные памятники.

Состав вещевых находок обнимает объекты от кремневых орудий до предметов эпохи последнего кокандского ханства. Наибольшее количество выявленных археологическим надзором памятников приходится

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
о докладах и полевых исследованиях
института истории материальной
культуры

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

В краткой статье нет возможности не только исчерпать, но даже и затронуть все спорные темы древней истории славян и руси. Я поэтому остановился только на тех, которые привлекли наибольшее внимание рецензентов второго тома „Истории СССР“ и авторского коллектива, работавшего над его новой редакцией. Из членов этого коллектива в данной связи следует назвать П. Н. Третьякова и В. В. Мавродина, много потрудившихся, каждый в своей специальности, над вышеизложенными вопросами.

М. И. Артамонов

ГАИМК—ИИМК И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ ЗА 20 ЛЕТ

(Извлечение из доклада „Итоги археологического изучения Средней Азии“, читанного 27 V 1940)

В начале нашей Великой социалистической эпохи в 1919 г. было положено основание Российской Академии истории материальной культуры; заведующим Разрядом Средней Азии был назначен акад. В. В. Бартольд.

Во вновь организованную Академию истории материальной культуры В. В. Бартольд пришел с большим знанием фактов и пониманием непосредственных задач, стоящих перед археологией Средней Азии. Более того, товарищ и друг Н. Я. Марра по научно-исследовательской работе, он прекрасно понимал, чем должна быть археология как одна из исторических дисциплин. В некрологе, посвященном Н. И. Веселовскому, В. В. Бартольд полемизирует с последним по вопросу о месте археологии в системе исторического знания. Для Н. И. Веселовского археология — самостоятельная наука, которую можно ставить рядом с историей. Для В. В. Бартольда это положение категорически неприемлемо.

„Едва ли правильно, — пишет он, — такое сопоставление истории и археологии, как двух самостоятельных, хотя и связанных между собой наук. Археология, как дисциплина, посвященная одной из категорий источников, именно вещественных памятников, составляет неразрывную часть единой исторической науки; только посредством изучения источников всех категорий может быть выполнена задача истории, причем это изучение, конечно, может быть результатом не только единоличного, но и коллективного труда“¹

В. В. Бартольд прекрасно понимал, какие исключительные перспективы сулит серьезно поставленное археологическое изучение Средней Азии. Ему было лучше, чем кому-либо, известно, что Средняя Азия, сыгравшая в древности и средневековье огромную роль в истории человечества, хранит на своей территории памятники мирового значения — развалины городов, древних крепостей, прекрасных по своей архитектуре зданий и других предметов старины. Ему было ясно, что, наряду с Ираном и Кавказом, археологическая работа в Средней Азии в XX в. сможет привлечь к себе в такой же степени мировое внимание, как в свое время это было с раскопками в Египте и Месопотамии.

Дореволюционная археология оставила в области изучения прошлого Средней Азии не малое наследство. В основе ее лежали: работа В. А. Жуковского по изучению развалин Ст. Мерва, до сего дня

остающаяся одной из лучших книг по изучению восточного города. Труды Археологической комиссии по изучению архитектурных памятников Самарканда и г. Туркестана, работы Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии и Туркестанского кружка любителей археологии, выразившиеся не только в предварительном описании ряда ценнейших археологических памятников Средней Азии, но и в исследовании путем раскопок, правда, проведенных не всегда на высоте требований современной археологии. Руководителем и вдохновителем лучших из этих работ был, как известно, В. В. Бартольд.

Основанием Российской Академии истории материальной культуры, возглавленной Н. Я Марром, Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед всей страной, в частности и перед Средней Азией, широкие перспективы археологического изучения.

В 1920 г. В. В. Бартольд совершает научную командировку в Ташкент, Самарканд и Бухару, чтобы на месте ознакомиться с состоянием дела археологического изучения Средней Азии или, как тогда чаще всего говорили, Туркестана.

Отчет о командировке в Туркестан в 1920 г. написан В. В. Бартольдом весьма оптимистично. Приехав в Среднюю Азию (тогда Туркеспублика) в самый разгар больших ремонтных проектов, согласно которым чуть ли не все крупные памятники Самарканда предполагалось ремонтировать, В. В. Бартольд ознакомился в Ташкенте и Самарканде с идеей, которой он очень сочувствовал и которую следующим образом формулировал в своем отчете: „раскопки должны предшествовать если не всяким ремонтным работам, то осуществлению всяких более сложных реставрационных проектов“.¹ Как и в дореволюционные годы, В. В. Бартольд оказывал большое влияние на направление и характер археологических работ в Средней Азии.

Для производства больших ремонтно-реставрационных и археологических научно-исследовательских работ необходимо было учреждение, которое обладало бы специальными средствами и знающими работниками. Декретом Совнаркома Туркеспублики от 23 V 1921 г. вводилось положение о „Комитете при Наркомпросе по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы“ (Туркомстарис) с местопребыванием его в Ташкенте и с образованием при нем специальной Самаркандской комиссии.

Первой крупной работой в Средней Азии после Октября была экспедиция, возглавленная архитектором А. П. Удаленковым и направленная на изучение архитектурной группы Шах-и Зинде в Самарканде.

Экспедиция эта была создана соединенными усилиями Главмузея и РАИМК. В экспедиции участвовало 8 сотрудников, в том числе известный художник Петров-Водкин. В программу экспедиции входили следующие основные задачи: 1) консультация по вопросам охраны и ремонта памятников, 2) подробный археологический обмер всей архитектурной группы Шах-и Зинде, на основании которого можно было бы провести анализ архитектурных форм, конструкции и строительных приемов. Однако экспедиция за время, которое она провела на месте (4 месяца), смогла выполнить только археологический обмер Шах-и Зинде. За 4 месяца удалось тщательно обмерить всю верхнюю группу, два безымянных мавзолея по западной стороне коридора и всю среднюю группу. Для нижней удалось полностью осуществить только планы фасадов и разрезы двух мавзолеев. Раскопок, связанных с потребностями археологического изучения памятников, экспедиция не произ-

¹ ИРАИМК, II, стр. 3 – 4.

водила. Это была ошибка, ибо, отказавшись от раскопочного приема, она поставила себя в условия, когда ее работники давали научное описание памятника в его настоящем состоянии, а не в том, в каком он был по окончании постройки. В работах экспедиции А. П. Удаленкова не получил осуществления как раз тот самый принцип, который проводил в своем упомянутом выше отчете о командировке в Туркестан в 1920 г. В. В. Бартольд. Подводя итоги экспедиции 1921 г. в Самарканд и отмечая ее недостатки, мы вместе с тем должны подчеркнуть, что ее материалы (чертежи, рисунки, кальки и т. д.) представляют большую научную ценность.

Начиная с экспедиции А. П. Удаленкова 1921 г., РАИМК в течение ближайших лет, в лице своего Разряда Средней Азии, возглавляемого В. В. Бартольдом, была в постоянном контакте как с среднеазиатскими учреждениями по охране памятников, так и с местными археологами. Можно сказать с абсолютной уверенностью, что вплоть до самой смерти В. В. Бартольда не было ни одного серьезного научного археологического начинания, которое прошло бы мимо его компетентного суждения.

В. В. Бартольд, как руководитель Разряда Средней Азии ГАИМК и фактический вдохновитель археологических работ в самой Средней Азии, прекрасно понимал, что архитектурными памятниками, тем более архитектурными памятниками одного Самарканда, ограничить задачи археологического изучения Средней Азии нельзя. Вот почему В. В. Бартольд выдвигает как в самой ГАИМК, так и среди работников Туркомстариса, превратившегося в 1925 г., в связи с национальным размежеванием в Средней Азии, в Среднеазиатский комитет (Средазкомстарис), задачи изучения наиболее крупных городищ, не исследованных или мало исследованных до сего времени. В первую очередь выдвигаются два района, игравшие в средние века в жизни Средней Азии огромную роль, а именно Хорезм и культурные когда-то земли по нижнему течению Сыр-дарьи, а также такие примечательные в археологическом отношении места, как Шахрисябз и Узгент.

В 1926 г. Разряд Средней Азии командировал меня в Шахрисябз в целях изучения исторической топографии этого города и его архитектурных памятников.

Под непосредственным руководством В. В. Бартольда мною были предварительно собраны все письменные свидетельства о Кеше-Шахрисябзе, дабы не повторять часто совершаемых археологами ошибок, когда письменные свидетельства привлекаются после археологического исследования, как это было между прочим и с изучением развалин Ст. Мерва у В. А. Жуковского. Поездка в Шахрисябз принесла свои плоды. В ГАИМК привезено было немалое количество снимков с Ак-Сарая (остатки дворца Тимура) и с целого комплекса зданий, в который входят мечеть Улугбека, развалины мечети Тимура и мавзолеев, связанных с именем шахрисябзского шейха Шемс ад-дин-Куалаля.

Мне представляется, что прочитанный осенью того же 1926 г. доклад на тему „Шахрисябз при Тимуре“ если не решил, то во всяком случае правильно поставил наиболее важные вопросы исторической топографии Шахрисябза, а также если не окончательно определил, то во всяком случае помог определить наиболее важные из развалин вышеуказанного комплекса построек.

После 1926 г. в Шахрисябзе производились работы архитектором Б. Н. Засыпкиным и работниками Узкомстариса. Однако в последних работах затрагивались вопросы чисто архитектурного характера и только походя, попутно они касались некоторых деталей из области исторической топографии. Работы в Шахрисябзе должны быть продолжены

нами если не непосредственно, то во всяком случае местными среднеазиатскими работниками. Особое внимание должно быть обращено на развалины дворца Тимура Ак-Сарай — памятника мирового значения. В Средней Азии это единственный из дворцов средневековья, дошедший до нашего времени, и произвести раскопки на его территории — одна из важных и благодарных задач.

Параллельно с работой в Шахрисябзе Разряд Средней Азии подготовлял поездку в долину нижнего течения Сыр-дарьи, где в домонгольскую эпоху и некоторое время после нее лежали культурные земли и города, богатство которых выросло, главным образом, на торговле с кочевниками. Начало изучению развалин этого района положено было еще в 1867 г. одним из талантливых востоковедов XIX столетия П. Лерхом.¹

Объектом исследования намечены были развалины Сугнака — города, имевшего весьма интересную историю. С одной стороны, он был столицей Белой орды в XIII—XV вв., с другой, он так тесно связал в себе кочевую степь с земледельческими оазисами, что на его истории можно было прекрасно изучить все характерные черты взаимодействия их обоих.

Подготовленная предварительным собиранием материала в письменных источниках поездка в Сугнак дала даже больше того, что от нее ожидали. Городище Сугнака оказалось весьма интересным и лишний раз показало, как много значит археологический материал для истории города. Письменные свидетельства здесь так хорошо переводились на вещественные остатки, что когда участнику этой экспедиции, автору настоящего сообщения, пришлось писать отчет и готовить к печати статью „Развалины Сугнака“, ² он чувствовал большую удовлетворенность и сознание, что научной поездкой 1927 г. действительно продолжено дело, начатое еще П. И. Лерхом.

После Сугнака автору удалось в том же году выполнить работу по краткому археологическому описанию городища старого Узгента и по фотосъемке его замечательных архитектурных памятников XII в. Фотоснимки Сугнака и Узгента составили неплохую коллекцию, которая из Разряда Средней Азии и перешла в фототеку ГАИМК.

Более всего, однако, В. В. Бартольд интересовался состоянием городища и памятников одного из крупнейших городов Средневековья — Ургенча, который достиг своего высшего развития в XIII—XIV вв., когда он входил вместе с северным Хорезмом в состав Золотой Орды. Главные занятия Разряда Средней Азии были направлены на хорезмийскую проблематику. Темами бесед, сообщений и даже докладов были вопросы, так или иначе связанные с Хорезмом. В существовавшем тогда Ленинградском научно-исследовательском историческом институте в 1928 г. мной был прочитан доклад на тему „О значении Хорезма в истории культурной жизни Средней Азии и юго-восточной Европы“. Последней теме В. В. Бартольд придавал важное значение, так как вся его предшествующая исследовательская работа приводила его к мысли о большой роли, которую Хорезм сыграл именно в жизни хазарского, кыпчакского (половецкого) и особенно золотоордынского Поволжья. Экспедицию в Хорезм на городище Куня-Ургенч удалось совершить летом 1928 г. и продолжить ее в 1929 г. В 1928 г. она была проведена совместно с Средазкомстарисом, в 1929 г. совместно с Туркменкультом. Во второй экспедиции от ГАИМК принимали участие Н. Б. Бакланов и безвременно умерший молодой ученый

¹ П. Л е р х. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870.
² Сообщ. ГАИМК, II, 1929, стр. 123—159.

А. А. Некрасов. За два года был собран обильный подъемный материал, сделаны все необходимые фотоснимки как по городищу, так и по развалинам богатейших архитектурных памятников, произведены необходимые их обмеры и сделаны на месте — путем наблюдений и сопоставлений памятников с письменными свидетельствами — выводы чисто топографического характера, в частности по такому важному вопросу, как вопрос о перемещении Ургенча монгольского периода на новое место по сравнению с временем хорезмшахов. Археологическое наблюдение со всей убедительностью показало, что город после монгольского разгрома возродили на старом месте. Благодаря работам этих двух экспедиций удалось опубликовать, правда небольшую, книжку „Развалины Ургенча“, ¹ которая по существу впервые ознакомила научный мир с прекрасными памятниками богатейшего и культурнейшего города Ургенча — столицы домонгольского и монгольского Хорезма. Мавзолей, быть может ханака, выстроенная повидимому Тюрабек-ханым, женой правителя Хорезма Тимур-Кутлука, во времена Узбек-хана (1312—1340), оказался одним из самых лучших по своей мозаичной изразцовой декорировке зданий на мусульманском феодальном Востоке. Изумительной и единственной является мозаичная отделка купола мавзолея Тюрабек-ханым изнутри.

Экспедиция в Ургенч открыла широкие перспективы для решения ряда вопросов в области культурного взаимодействия Хорезма и Поволжья, Хорезма и Мавераннахра, Хорезма и Ирана, а также Закавказья, не говоря уже о дальневосточных влияниях на самый Хорезм. Все эти важные и интересные вопросы удалось правильно поставить, но отнюдь, конечно, не решить, ибо для окончательных ответов необходимо было иметь много фактов из других областей. Однако после экспедиций в Ургенч можно было считать прочно решенными вопросы о влиянии Хорезма, и в частности Ургенча, на материальную культуру и искусство Поволжья в эпоху Золотой Орды, особенно двух Сараев и Булгара. Убедительные доказательства этого и были приведены в двух моих работах: „К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке“ ² и „Столица Золотой Орды — Сарай Берке“. ³

Параллельно с изучением Ургенча в 1928 и 1929 гг. экспедициями было обследовано еще одно замечательное городище — Миздахкан, лежащее между Аму-дарьей и Ургенчем в 25 км от последнего. Здесь оказались настолько примечательные памятники, как, например, цитадель явно домонгольского происхождения, по всей вероятности X в., и здания монгольского и домонгольского времени, что без привлечения их нельзя теперь решать многих вопросов. Насколько мне известно, руководитель и вдохновитель наших работ по исследованию Ургенча и Миздахкана ⁴ был удовлетворен результатами исследования, носящего во многом предварительный и осведомительный характер. Вспоминаю, что когда после наших с Н. Б. Баклановым сообщений В. В. Бартольд подводил итоги хорезмской работы, он особо подчеркнул, что последняя, строго говоря, еще только начинается.

Параллельно с развертывающейся работой в ГАИМК В. В. Бартольд со вниманием продолжал следить за делом археологического изучения Средней Азии в самой Средней Азии и руководить им. Более всего его интересовала работа В. Л. Вяткина, человека, который отдал изучению памятников Самарканда и, особенно, городища Афрасиаб всю

¹ Изв. ГАИМК, т. VI, вып. 2, 1930.

Изв. ГАИМК, т. VII, вып. 2—3, 1931.

Гос. Эрмитаж. Серия: Феодализм на Востоке, отд. вып., 1932.

⁴ А. Ю. Якубовский. Городище Миздахкан. ЭКВ, V, 1930, стр. 551—581.

свою жизнь. К сожалению раскопочные работы, проводившиеся В. Л. Вяткиным чуть ли не систематически из года в год, не сопровождались ни строго продуманной фиксацией раскапываемых объектов, ни публикацией отчетов, вследствие чего, как показало дальнейшее, после смерти В. Л. Вяткина никто не смог разобраться как следует в оставшихся от него разрозненных клочках бумаги, на которых велись его археологические записи. А между тем, всем, кто соприкасался с ним и с его работой, хорошо были видны его исключительные знания в области истории вещественных памятников Самарканда, да и всей Средней Азии. Не оправдала надежд и вышедшая в январе 1928 г. его книга „Афрасиаб“,¹ в которой далеко не полностью отразились большие знания покойного археолога.

В изучении хорезмской проблемы принимал деятельное участие молодой талантливый, ныне уже покойный, ученый А. А. Некрасов, последний по времени ученик В. В. Бартольда.

Несколько позже, чем в Ленинграде, начинается археологическое изучение Хорезма московскими работниками ГАИМК. Начало работ было здесь положено научным сотрудником М. В. Воеводским, который в 1934 г. на средства Средазгипропода провел археологическое изучение левобережного Хорезма. В плане археологической разведки экспедицией было пройдено около 500 км и осмотрено 9 древних городов и крепостей. Большой интерес представляет изучение развалин Земахшара и его района.

Экспедиция обратила особое внимание на изучение керамики не только с точки зрения точности ее датировок или выявления ее художественных достоинств, но и самой техники гончарного производства в Хорезме в раннее средневековье.²

После трехлетнего перерыва, работы по изучению Хорезма возобновились в 1937 г. Под руководством С. П. Толстова и при участии археолога А. И. Тереножкина была направлена археологическая экспедиция в правобережный Хорезм. Экспедиция эта в течение двух лет (1937—1938) работала на территории Кара-Калпакской АССР на средства Узкомстариса, Государственного Эрмитажа и Центрального музея Кара-Калпакской АССР. Выбор хорезмского правобережья обусловливался прежде всего тем обстоятельством, что на основании сведений из письменных источников, сообщавших о полном запустении некоторых районов правобережья к XIV в., здесь можно было надеяться найти целые участки с остатками раннемусульманского и даже домусульманского прошлого. Надежды работников экспедиции целиком оправдались, за два года работы найдены интереснейшие памятники, начиная от бронзового века (конец II тысячелетия до н. э.) и до VIII в., до времени завоевания Хорезма арабами.

Главные работы Хорезмской экспедиции были проведены в районе мертвого оазиса, одним из крупнейших памятников которого является Беркут-кала. Здесь на площадке, не превышающей 20 кв. км, расположено более 60 укрепленных домов, относящихся ко времени V—VIII вв. Участникам экспедиции удалось раскопать крупный замок Тешик-кала, принадлежавший какому-то хорезмскому аристократу, и две укрепленных усадьбы, помеченных на археологической карте номерами 4 и 34.

¹ В. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк. Ташкент, 1928.

² М. В. Воеводский. Сообщение о работах Хорезмской экспедиции 1934 г. (рукопись архива МОИИМК). — M. Vo y e v o d s k y. Summary Report of Khvarizm Expedition. Bull. of Amer. Inst. for Iran. Art and Archaeol., т. V, № 3, 1938, стр. 235—244.

Археологическая экспедиция в правобережный Хорезм 1937—1938 гг., проведенная под руководством С. П. Толстова, внесла в науку много нового материала, давшего возможность не только поставить ряд важнейших вопросов древней истории Средней Азии, но отчасти и установить направление, в котором они в ближайшее время будут решаться.¹

Главные из этих вопросов имеют значение не только для местной хорезмской истории, но и для истории древней Средней Азии в целом. Вопросы эти следующие: 1) о роли древнего Хорезма в культурной жизни юго-восточной Европы и остальных областей Средней Азии; 2) о древнекорезмской письменности, интересными памятниками которой являются древние хорезмские монеты; 3) о социальной природе укрепленных хорезмских усадеб, целый заповедник которых найден А. И. Тереножкиным в 1937 г. в Беркуткалинском мертвом оазисе.

Последний вопрос имеет тем большее значение, что он дает новый серьезный аргумент для решения вопроса об определении социального строя Хорезма и Согда в V—VII вв., как строя рабовладельческого. В 1939 г. Хорезмская экспедиция под руководством С. П. Толстова продолжала свои работы на значительно расширенной территории. В поле зрения экспедиции этого года входит, главным образом, левый берег Хорезма.

В 1936 г. начинаются серьезные работы по археологическому изучению Семиречья. На средства Казахстанского филиала Академии Наук СССР, Комитета наук при СНК КирССР и ИИМК в 1936 и 1938 гг. производились работы по изучению памятников прошлого в бассейне рек Таласа и Чу, под руководством ст. научного сотрудника ИИМК А. Н. Бернштама. Работы эти являются продолжением известной двухлетней археологической поездки В. В. Бартольда в 1893—1894 гг. в Семиречье.² Только через 42 года вновь были серьезно поставлены вопросы, выдвинутые сначала Лерхом,³ а потом В. В. Бартольдом в отчете об упомянутой поездке. Центром внимания этой экспедиции в 1936 и 1938 гг. было археологическое изучение Тараза. Уже в 1936 г. удалось окончательно подтвердить предположение В. В. Бартольда, что древний Тараз надо искать на территории современного Аулие-ата, ныне Джамбула. Раскопками, проведенными на территории шахристана в его северо-восточном углу было вскрыто пять культурных слоев (V в. н. э.—XIX в. н. э.). Наиболее богатым оказался третий слой, дающий материал XI—XII вв., чем особенно подчеркивается расцвет Тараза при караханидах. Найдены в более древних слоях, среди которых особенно выделяется сосуд с сирийской надписью и варварское подражание римскому солиду V в., не только подтверждают, но и дополняют наши сведения из письменных источников о культурных связях Тараза с Передней Азией в древности и раннем средневековье. Экспедиция под руководством А. Н. Бернштама проделала большую работу и по изучению Таразского района. Здесь ею было установлено местоположение ряда населенных пунктов и городов, известных из письменных источников. В верховьях Таласа в КирССР был обследован так наз. гумбаз Манаса. Сотруднику экспедиции А. М. Беленицкому удалось прочесть надпись на памятнике, из кото-

¹ С. П. Толстов. Монеты шаков древнего Хорезма и древнекорезмский алфавит. ВДИ, № 1—2, 1938. Там же в отделе „Хроника“ информация о работах Хорезмской экспедиции.

² В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. СПб., 1897.

³ П. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870.

рой следует, что здесь находится могила Кенизек-Хатун. Мавзолей возведен ее отцом в конце XIV или в начале XV в. В верхнем Таласе обследовано было также несколько городищ, из которых некоторые удалось отожествить с известными в средние века городами Шельджи, Куль, Сус, и др.

В том же районе экспедиция вскрыла несколько курганов с катакомбами, где обнаружены были интересные предметы (стрелы, часть лука, колчаны и др.), характеризующие культуру кочевников I в. до н. э. — II в. н. э.

В долине р. Чу экспедиция внимательно осмотрела городище Ак-Пешин, причем ее наблюдения склоняются в пользу давно высказанного предположения В. В. Бартольда, что развалины города Баласагуна, игравшего большую роль в политической и культурной жизни караханидов и каракитаев в XI и XII вв., находятся в районе „башни Бураны“, куда и входит упомянутое выше городище Ак-Пешин.

В 1939 г. археологические работы ИИМК в братских среднеазиатских республиках развернулись особенно широко. Продолжались работы в Семиречье, в долинах рек Таласа, Чу, и было проведено предварительное обследование почти совсем неизученной в археологическом отношении долины р. Или. Главное внимание участники экспедиции 1939 г. обратили на памятники кочевого быта эпохи ранних кочевников III в. до н. э. — II в. н. э. — раскопки Берккаринского и Кенкольского могильников.¹

Экспедиция не только собрала в могильниках прекрасный археологический материал, частично уже выставленный в Эрмитаже (предметы Кенкольского могильника), но и установила, повидимому, местоположение в местечке Дунгене Карагатальского района города Кыялыка и близ с. Чингильды — города Эквиуса. Успешные археологические работы, проведенные в Семиречье, являются значительным шагом вперед по сравнению с прекрасным для своего времени, упомянутым выше отчетом В. В. Бартольда. В 1939 г. проведена была также археологическая Зарафшанская экспедиция ИИМК и Государственного Эрмитажа под моим руководством. Одна партия этой экспедиции продолжила работу Г. В. Григорьева на Тали-Барзу и Кафыр-кале в окрестностях Самарканда, другая провела обследование городища Пейкенд, находящегося в песчаной степи в 9 км от станции Якатут Ашхабадской ж. д. В обоих пунктах экспедицией проведены раскопки, собраны интересные вещественные материалы, сделаны исторически важные наблюдения.

ГАИМК — ИИМК не только сам посыпал археологические экспедиции или организовывал их совместно с другими научными учреждениями (Государственный Эрмитаж, Узкомстарис, Туркменский институт истории, Казахстанский филиал Академии Наук СССР, Комитет наук КирССР и др.), но и поощрял участие своих научных работников в экспедициях других учреждений.

В 1934 г. Государственным Эрмитажем совместно с Узкомстарисом была осуществлена экспедиция под моим руководством в древний Бухарский район для обследования: 1) остатков Кампыр-дувала — оборонительной стены, ограждавшей в древности культурный Бухарский оазис; 2) городищ по известной в древности Самаркандской дороге на участке между железнодорожными станциями Кызыл-тепе и Катта-курганом. Экспедиция эта собрала большой материал как для выяснения истории Кампыр-дувала в древности вплоть до X в., когда он перестал существовать, так и для описания городищ Тавависа, Хазары, Дабусии

¹ А. Н. Бернштам. Археологические работы в Семиречье в 1939 г. Краткие сообщ. ИИМК, IV, 1940.

и Арбиджана и других населенных пунктов по левому берегу Зарафшана. Среди других памятников этой экспедицией была открыта замечательная постройка на колоннах, древнейшая в Средней Азии мечеть в Хазара, относящаяся ко времени не позже начала X в., а по всей вероятности, к IX в. или даже к концу VIII в.

В 1934 г. научный сотрудник Г. В. Григорьев по поручению и на средства Узкомстариса провел работу по обследованию археологических остатков близ Каунчи в Янгиюльском районе УзбССР. Богатый материал этих раскопок позволил автору поставить вопрос о культуре живших в этих местах саков.

Еще более интересны трехлетние работы Г. В. Григорьева 1936—1938 гг. в Тали-Барзу, в 6 км на юг от Самарканда.

Это замечательное городище, представляющее, по всей вероятности, остатки известного в древности Ривдада, соперника Самарканда, дало 6 культурных слоев — от первой половины I тысячелетия до н. э. и до VIII в. н. э.

Наиболее интересными по богатству материала являются слои „ахеменидский“ и „эллинистический“. Ценность работ на Тали-Барзу не только в том, что здесь вскрывается весьма интересное древнее поселение — укрепленная резиденция местного владетеля, перерастающая в город, но и в том, что раскопки на Тали-Барзу позволяют иметь точно датированные типы керамики, благодаря чему можно установить более точные датировки для памятников из других мест древнего Согда.

Нельзя не отметить, наконец, выдающееся открытие ст. научного сотрудника ИИМК А. П. Окладникова, работавшего в 1938 г. на средства Узкомстариса в долине Сурхан-дарьи, где им впервые для Азиатской части СССР была обнаружена палеолитическая стоянка с остатками неандертальца.

Работники Сектора Средней Азии, ведя археологическую работу, в большинстве своем являлись историками, решающими важные вопросы прошлого Средней Азии на основе сочетания письменных источников, вещественных памятников и данных языка. Подводя итоги пройденному пути, следует подчеркнуть, что перед Сектором Средней Азии сам ход развития советской исторической науки поставил три крупных проблемы: 1) сложение и развитие дофеодального и феодального города Средней Азии; 2) дофеодальная культура Средней Азии, которая все больше раскрывается как культура рабовладельческого общества; 3) этногенез народов Средней Азии. За двадцать лет работы по археологическому исследованию Средней Азии работники ИИМК не только собрали большой фактический материал, но и в десятках напечатанных трудов значительно продвинули разработку ряда вопросов, помогающих разрешению вышеуказанных проблем.

ГАИМК — ИИМК стремился работать в контакте с научными учреждениями братских среднеазиатских республик, помнятая, что обмен опытом только поднимает на новую высоту нашу советскую науку. Более всего эту связь ИИМК удалось осуществить с Узкомстарисом, который за те же 20 лет проделал огромную работу по археологическому изучению Узбекистана и охране его памятников старины. Узкомстарисом много сделано как в области изучения дофеодального и феодального города, главным образом, на материале развалин Термеза, так и по изучению дофеодальной культуры Узбекистана — вспомним замечательные находки остатков дворца Бухар-худатов в Варахше, имеющие в полном смысле слова характер мирового открытия.

Вместе с ростом социалистической культуры в братских советских республиках Средней Азии, а также успешным освоением богатого

культурного наследия народов, их населяющих, все большее значение приобретает археологическая работа, поскольку она, с одной стороны, обогащает культурные ценности этого наследия новыми находками и открытиями, а с другой, на основе нового материала вместе со всеми другими источниками ставит и решает вопросы истории культуры народов Средней Азии.

A. Ю. Якубовский